

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ОСЯХ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ СОЦИОГЕНЕЗА

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

В предлагаемой работе политическая культура рассматривается как проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. Под культурой понимается система порождения, хранения и трансляции социального опыта. Такой подход позволяет обобщить ценностный (культура как система ценностей), нормативный (культура как система норм, правил, традиций), деятельностный (культура как способ жизни) и «человекотворческий» (культура как «машина» социализации) подходы к пониманию культуры. Соответственно и политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, постольку и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Но не только. Культура – не только и не столько некий ментальный план, сколько именно фреймовая структура образа жизни конкретного социума, соответствующего социального опыта.

Базовые ценности и институты социогенеза

К базовым ценностям социогенеза прежде всего относится *безопасность*, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой и т.д.), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны и практики игры на этой ценности, формирование образа внешнего и внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Такое манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно – консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной, позитивной основе.

При этом в любом социуме, в любой форме и на любом уровне, с самого момента его возникновения с неизбежностью возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentiments. Разрешение этих проблем так или иначе связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза — *справедливости*. Именно реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности от морали и права до социально-культурных эмоций: чести, гордости, стыда, смеха...

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому справедливости ради (этакий каламбур. — Г. Т.) важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй связан с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции, вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни. Сократ и Иисус — яркие тому примеры. История убедительно свидетельствует о том, что современники и соплеменники сплошь и рядом воспринимают творцов-«инноваторов» как нарушителей завета предков, установленных норм, к которым нужно звать то ли полицию, то ли врача. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается, прежде всего, как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает творцов-инноваторов искать справедливость и удачу в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам». Факт этот тоже слишком хорошо известен. Однако стоит обратить внимание на связанные с ним еще два цивилизационных обстоятельства. Во-первых, получается, что важным условием успеха инновационных проектов является горизонтальная мобильность, возможность перемены места жительства. А во-вторых, и в связи с этим, становится понятной мо-

дернизационная роль городов и нынешнего тренда к агломерациям, обеспечивающим максимально возможную концентрацию таких личностей. Именно в городах накапливается их критическая масса, которая и становится социальной базой модернизационного развития, формирования индустриального общества массового производства, а затем и постиндустриального общества массового потребления.

Традиционное общество обходится, таким образом, двумя указанными базовыми ценностями. Для достижения консолидации и социализации ему достаточно обеспечения безопасности и справедливости. И политической власти, государству в таком обществе вполне достаточно апеллировать к безопасности и справедливости для установления легитимности. Однако если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве и делает ставку на второй вектор справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность – **свобода**, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности. Свобода носит эпифеноменальный характер¹, она производна от автономной ответственности, посредством которой личность (в процессе воспитания, образования, профессиональной подготовки) вырывают из причинно-следственных связей и делают источником, причиной совершаемых действий. Свобода – оборотная сторона ответственности.

Следует еще раз подчеркнуть, что не всякое общество рассматривает такую ответственную автономность (свободу), как ценность. Большая часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Выдающийся цивилизационный вклад христианской культуры как раз и заключается в ценностном рассмотрении свободы/ответственности личности.

Таким образом, в общем случае ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода (см. рис.1), причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и в направлении свободы. Например, в случае кри-

Рис. 1. Базовые ценности социогенеза

зиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако по мере политической, экономической стабилизации на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т.п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 г. под научным руководством Р. Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности...)².

Социогенез, однако, предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (background) — культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные же представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

В этой связи можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума³. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это проявляется в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или к прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы). Эта модель представлена на рис. 2.

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность — справедливость — свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения профиля конкретного общества, его политической культуры — в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно эмоционального. Политическая власть, государство — идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального.

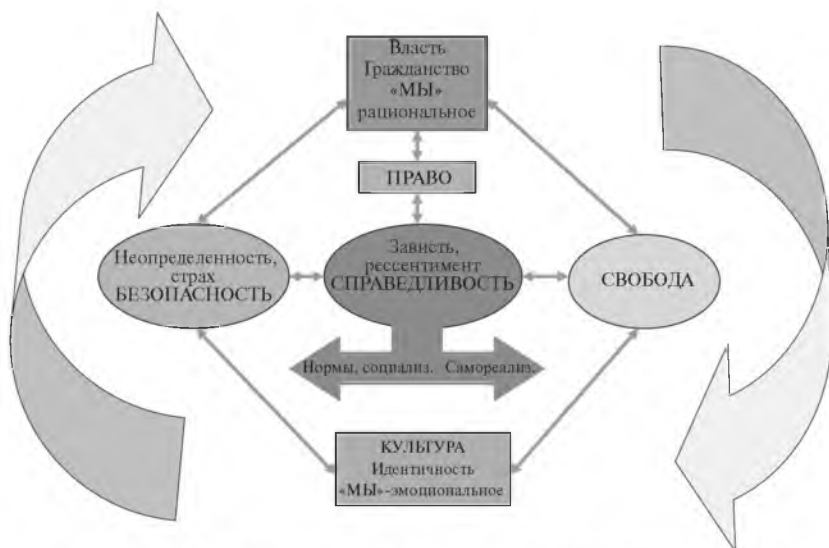

Рис. 2. Роль власти и культуры в консолидации общества

Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. И если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие, «сплывающее», возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно для состоящего из представителей разных этносов, а то и конфессий, доверия сплывающего не достаточно – необходимо доверие, «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества⁴.

Это доверие и складывается благодаря формальным институтам, прежде всего – правовой культуре, задающей нормативную рамку отношений и взаимодействий различных групп и слоев данного государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то формальные – гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

В пространстве, образуемом ценностной и нормативной осями, очевидны свойственные российскому обществу роль традиций, акцентирование нравственности по сравнению с правом, и, как следствие, неразвитость формальных институтов, важных для гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности, между которыми нет органической и естественной связи. Более того, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративными, а политическая система приобретает характер декоративного

дизайна. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вызревших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием, выросшим на понимании свободы как ответственности. Подобные поверхностные попытки демократизации и либерализации неизбежно оборачиваются политической и экономической анархией.

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет так называемый «парадокс России», отмеченный в исследовании World Values Survey как откат за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном откате, а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет о движении не по ценностной оси, а по оси нормативно-институциональной.

На недавней конференции по социологии инноватики в ИНИОН был представлен яркий доклад Г.Г. Шагиняна – выдающегося специалиста по нейрохирургии сложных и глубоких травм лицевой части черепа. Используя сравнение со слайдами, иллюстрирующими этот доклад, можно сказать, что в этом плане ценностно-нормативная деформация российского социума напоминает глубокую травму лицевой части черепа: в нем практически снесена его «височно-скуловая часть», связанная с соответствующей ценностно-нормативной зоной (см. заштрихованную зону на рис. 3).

Из данной модели очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории

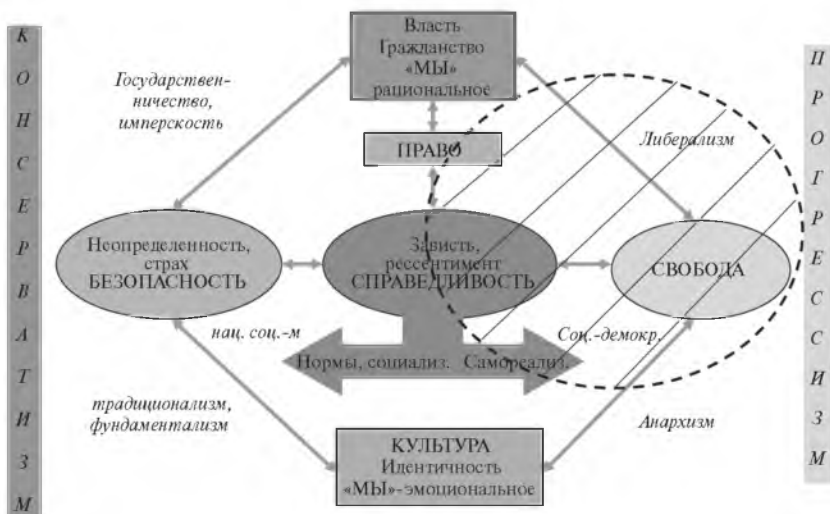

Рис. 3. Политические идеологии и российская деформация

были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества, для придания ему импульсов модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая «нейрохирургия».

Однако прежде чем говорить о каких-то возможных «операциях», необходимо уточнение «диагноза».

Нормативно-ценностное содержание российской культуры

Анализ нормативно-ценностного содержания российской культуры и соответствующей ей идентичности на материале мифологии, фольклора, особенностей русского православия, философии, художественной культуры (особенно литературы), политической и экономической истории, обыденного дискурса, впечатлений путешественников (отечественных и зарубежных), выявляет ряд специфических особенностей российской культуры. Такой анализ уже был проделан⁵, и полученные результаты уже находят успешное применение⁶, поэтому в данной работе можно воспользоваться результатами уже проведенного ранее исследования.

Прежде всего, при типологической общности содержания отечественных мифологии и фольклора, бросается в глаза отсутствие в них «культурного героя» — персонажа, аналогичного Прометею или Вайнемейнену: ремесленника, ткача, строителя, научившего труду, конструктивной работе. Практически не воспет труд и в русской поэзии.

Русское православие, как и вся Восточная церковь — апофатическая ветвь христианства: Божественная сущность в нем не имеет позитивного выражения в этом мире. Сам православный канон, как известно, был заимствован, насаждался властью, что предопределило Раскол — важнейшее событие в развитии отечественной духовной культуры. Обыденное религиозное сознание (житийные тексты, духовные песни) выражают повышенный интерес к нравственной личности, ее жизненному опыту, особенно к претерпеванию страдания, к теме Страшного Суда. В обыденном религиозном сознании Христос предстает Царем небесным, сливаясь с Отцом, а Святая Троица фактически заменяется Двоицей: Христом и Богородицей. В морали, восходящей к православной этике спасения, Благодать выше закона. И особую роль играет покаяние («не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься»).

Характерны специфические особенности русской философии. По своему происхождению она вторична, не внесла оригинального вклада в развитие метафизики, натурфилософии, теории познания, логики. Ее развитие эхололично — это поэтапная рефлексия

западноевропейской философии: вольфианства, романтизма, позитивизма, марксизма, постструктурализма... Круг ее главных тем довольно узок: личность и общество, свобода, судьба России. Но их постановка и обсуждение чрезвычайно глубоки и эмоциональны, с глубокой личностной вовлеченностью. Ей свойственны максимализм, универсализм, практическая нацеленность — поиск «окончательных ответов» на вопросы практической жизни, обустройства общества. Показательна и типичная фигура российского философа — это не кабинетный ученый, а «человек с судьбой», исповедник идеи, готовый за нее пострадать...

Показательны и особенности языковой практики (поговорки, инвективы, лексика, обыденный дискурс). Особенность, если не уникальность, русского языка связана с тем, что оценочность лексики в нем достигает почти 40%. И язык обладает широчайшими возможностями выражения оценочного отношения, которое входит в словарное значение слова. Русский язык тропирован, но не терминирован, что и объясняет феномен «засоренности русского языка иностранными словами» — когда хочется выразиться о чем-то безоценочно, объективистски точно, заимствуется иностранное слово, которое достаточно быстро также получает оценочную нагрузку. В русском языке часто практикуется опускание логической связки, в результате чего получаемые эллиптические конструкции требуют дополнительных интеллектуальных усилий для понимания смысла выраженной мысли. Показательно и обилие непереходных глаголов, выражающих процессуальность действия, но не его результативность (мы много «работаем», но мало «делаем»).

Разумеется, в культуре фиксируются и выражаются особенности экономической и политической истории России. Что касается способа хозяйствования, то географо-климатические условия Восточно-Европейской равнины (краткий теплый период, чтобы успеть высеяться, заготовить корма и собрать урожай, с дождями и заморозками в самое неудобное время), подсечное земледелие на сероземах — все это стимулировало совместный напряженный труд с чрезвычайными усилиями в относительно краткий период и с последующим долгим расслаблением. Это, а также синтез с финно-угорскими племенами, формировало специфический образ жизни. Да и российское государство (и в норманнской, и в хазарской теории его происхождения) возникло отнюдь не для защиты крестьян, слободы, ремесленников. Первое письменное упоминание о Руси в византийских летописях эпохи Константина Багрянородного гласит буквально следующее: «Осенью князь со своей Русью выезжает на кормление». Эта парадигма исторически мало менялась. Дореволюционная экономика носила вотчинный характер, когда целые регионы и отрасли отдавались в кормление «правильным» людям. И на протяжении всей российской

истории не собственность рождала власть, а наоборот — власть порождала собственность и постоянно ее переделывала. Не случайно страна двести лет никак не может пройти первоначальное накопление, и за это же время пять раз радикально меняла собственников: исторически мгновенно — на глазах одного поколения.

Содержательны для понимания особенностей российской культуры и впечатления путешественников — как отечественных за рубежом, так и зарубежных — в Россию. Они особенно интересны, ведь в глаза путешественникам, носителям своей культуры, бросаются именно отличия культуры иного общества. Так, иностранцы (от Олеария до наших современников) отмечают такие позитивные качества русских, как доброжелательность, гостеприимство, щедрость, выносливость, неприхотливость, работоспособность, мужество, пренебрежение к смерти, жизненную силу. И эти качества сочетаются одновременно с жестокостью, грубостью, бесчувственностью, лживостью, воровством, пьянством, ленью. Наиболее наблюдательные из иностранных путешественников связывают корни пренебрежения к смерти, способность стойко переносить страдания, терпение, покорность судьбе — с пренебрежением к этой жизни (своей и чужой), воровство — с пренебрежением к собственности, лживость — с пренебрежением к реальности во имя идеи.

Если обобщить все эти данные, то комплекс базовых ценностей российской культуры предстанет в следующем виде.

Правда (жить по правде, «не по лжи»): нравственный максимализм; способность пострадать за правду. Это выражается не только в идеале русской православной святости, теме униженных и оскорбленных в литературе, но и особом значении страдания (на Руси никто не страдает просто так, а всегда — за что-то, во имя чего-то), даже в особенностях политических PR.

Апофатизм: эта жизнь — юдоль страдания, нравственного испытания; эскапизм; лиминальность, амбивалентность морали; пренебрежение к проявлениям этой жизни (здоровью, труду, собственности, закону, чужой и своей жизни).

Универсализм (всеединство): пренебрежение к отдельной личности, травление самоотвержения; специфический коллективизм (не основанный на общности интересов, а «ватажно-артельный»).

Эсхатологизм: представление о Царстве Божием на земле; спор с историей; танатологичность, вера в воздаяние после жизни.

Чудо (не упорядоченный труд, а усилие воли).

Истина как красота: истина должна быть красивой (красиво и потому истинно); нравственность искусства.

Этот нормативно-ценностный комплекс имеет очевидный акцент справедливости в сторону безопасности, ему свойственна глубокая вторичность проблемы свободы. Одновременно неразвитость фор-

мальных институтов компенсируется акцентом на доверии «сплачивающем», обеспечиваемом неформальными институтами и отношениями. Незрелостью институциональной среды, порожденной этим недоверием к социальной жизни, может объясняться не только правовой нигилизм, но и особый «платонизм», апелляция к трансцендентным ценностям.

Речь идет об исключительно целостном мировоззрении, миропонимании и мироощущении, которому свойственны чрезвычайно напряженное нравственное чувство, этика предуготовления к вневременному спасению, дизмотивация к жизни в реальном мире и ее проявлениям (собственности, здоровью, своему и чужому труду), их правовым гарантиям. В плане модернизации такой культурный потенциал достаточно неоднозначен.

Как возможно формирование новой политической культуры

Весь исторический опыт успешных модернизаций — как зарубежных (Германия, Япония, Корея, Сингапур, Китай), так и отечественных (реформы Петра I, отчасти советский опыт) — показывает, что условиями успешности модернизации являются наличие ясной стратегии и властной воли к ее реализации, ставка на освоение передовых практик, на науку, образование, формирование социальной базы модернизации (новой элиты), централизация на ранних стадиях, жесткое следование принятым решениям, а по мере развития экономики — все большее делегирование полномочий гражданам и социальным институтам гражданского общества. Только в этом случае возможна динамика социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества.

При всей человеческой симпатии к инициаторам перестройки, следует сказать, что их управленческая некомпетентность очевидна: нигде и никогда модернизации и реорганизации не осуществлялись на основе и через демократизацию. Это азы менеджмента. Демократия — результат, продукт, упаковка всюду плотных рыночных отношений. При отсутствии реальной рыночной экономики, а главное — реальных собственников, ей не на что опереться, и она уходит в песок, если не в болото.

Традиционным ответом России на вызовы всегда были усиление власти, жесткий административный контроль, подтягивание ресурсов и насилие (принудительное нововведение). Парадокс же современной России состоит в том, что, если условие успеха — это разумная властная воля, артикулирующая внятную стратегию, то сейчас мы имеем ситуацию, когда отсутствует не только внятное представление о стратегии модернизации, но и потребности, способности и готовности к переменам.

Вместе с тем, культурный потенциал российской модернизации очевиден⁷. Возьмем, например, имперское наследие. Оно достаточно

нетривиально, если иметь в виду цивилизационную роль империй, соотношение имперской культуры и глобализации (поскольку каждая историческая империя была ростком глобализации) и имперскую культуру как колыбель и питательную среду либерализма. Сравнительный анализ отношения к постимперскому опыту — «загадки Эспаньолы» (Гаити и Доминикана), опыт Сингапура и Шри Ланки (ставка на постимперское культурное наследие и отказ от него), опыт Израиля (вынужденная имперская роль) — убедительно показывает позитивный потенциал имперской культуры при должном отношении к этому наследию. Это — несомненный, мощный и конструктивный потенциал открытого общества, являющейся, в этой связи, ресурсом инновационного развития. Прежде всего, это надэтнический и надконфессиональный характер политической системы, вытекающие из этого особенности формирования политической элиты, толерантность, инновационность, модернизация. Постимперское культурное наследие способно выступать ресурсом инновационного развития. Задача — во внятном и вменяемом отношении к этому наследию и опыту, в способности рационально им распорядиться.

Кроме того, можно говорить о постимперской фазе мирового развития. И современная постимперскость двойственна. Это и кризис традиции, и стремление выхода к новому глобализированному фронтиру цивилизации. Нации-лидеры и слабые («несостоявшиеся») государства устремлены к новой интеграции. В условиях глобализации империи становятся невозможными политически. Однако сама культура глобализированного мирового сообщества несет отчетливые черты, свойственные именно культурам имперского типа.

Позитивную роль играет и пока сохраняющийся относительно высокий уровень человеческого капитала в России, его многими отмечавшаяся терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания, в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью, — несомненный ресурс модернизации, золотой фонд реформатора и/или манипулятора. Может быть, потому на нас и экспериментируют все, кому не лень?! Никак нельзя сбрасывать со счета и благоприятную как никогда внешнеполитическую ситуацию, и сохраняющуюся централизацию реальной власти. Дело за переходом от централизации ради централизации — к централизации ради перехода в новое качество.

Но не менее очевидны в российской ситуации и культурные барьеры модернизации. Это углубляющийся сырьевой характер экономики, нерешенность вопроса о собственности, правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, сырьевая экономика, специфика российской урбанистической среды⁸, отсутствие социальной базы модернизации и невостребованность инноваций. В современной России отсутствует реальный запрос на инновации. Его нет

у бизнеса. Вопреки мифу об инновационности бизнеса, последний делается не для конкуренции и инноваций, а для достижения хотя бы и временного, но монопольного преимущества. Для того, чтобы он стремился к этому преимуществу за счет инноваций, должна быть создана конкурентная среда. А в современной России рентный бизнес не нуждается в этом. Он уже монополизирован. Власть же только расчищает прикормленному бизнесу эту монополю. Да и общественный запрос ориентирован скорее на стабильность, чем на очередные инновации... К этому можно добавить невиданное имущественное расслоение общества, запредельную коррупцию, правовой нигилизм, отсутствие гражданской идентичности, фантомные имперские боли и неоднозначные идеологические спекуляции, этнофедерализм, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования...

Итогом являются сложившиеся в России экономика и общество недоверия, институционализация зависти и рессентимента, отсутствие консолидации на конструктивной, позитивной основе. Современная Россия удивительно не консолидированное общество. Однако возможность развития общества решающим образом зависит от его консолидации, обеспечения интеграции в единое целое — главного условия развития, конструктивной трансформации общества, его приближения к цивилизационному фронтиру, обеспечивающему максимально возможное для данного исторического этапа качество жизни.

Возвращаясь к вопросу о деформации нормативно-ценностной модели российского общества, можно констатировать, что речь идет о глубокой травме этого общества, причем, травме, закрепленной социально-демографически. На рис. 4 представлены ориентировочные социально-демографические профили нормативно-ценностных кластеров. На ценностно-нормативный комплекс справедливости как свободы и соответствующие институты — прав человека, гарантий охраны собственности и т.п. — ориентированы преимущественно жители больших городов, имеющие собственные источники доходов. На ценностно-нормативный комплекс этнической безопасности ориентированы в большей степени жители малых городов и поселков, существующих, преимущественно, на бюджетные средства.

Наращивание тканей, необходимых для налаживания целостного баланса российского общества связано с развитием вектора личностной инициативы и правовых гарантий результативности этой инициативы. Разумеется, ключевым вопросом перспектив развития российского общества является решение вопроса о собственности и ее правовых гарантиях.

Но решение этих проблем предполагает и внятную социально-культурную политику. Если перевести это на простой язык, то речь идет об акцентированной ставке на развитие городских агломераций, на образование и молодежь.

Рис. 4. Социально-демографические профили ценностно-нормативных кластеров

Все сказанное позволяет утверждать, что российское общество имеет дело с серьезнейшим цивилизационным вызовом. И наиболее продуктивным способом ответа на него представляется гармонизация ценностно-нормативного потенциала, образующего российский социум, результатом которой может стать его консолидация на основе солидарности, что, собственно, только и может обеспечить перспективу развития российского общества.

Не менее очевидны и основные направления и технологии необходимой социальной инженерии по преодолению этого дисбаланса в динамике социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества. Такая социальная инженерия возможна с опорой на модернизационный потенциал (высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью) и преодоление нормативно-ценностных барьеров (правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, отсутствие реального запроса на инновации, взаимное недоверие, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования).

Тем самым выявляются и условия реализации такой инженерии: обеспечение правовых гарантий личной инициативы, внятная социально-культурная политика с акцентированной ставкой на развитие городских агломераций, образование и молодежь.

Такие перспективы развития (модернизации) российского общества вполне соответствуют общемировым тенденциям⁹. Перспективы

эти предполагают консолидацию, тогда как современное российское общество не только не консолидировано, но может характеризоваться как общество недоверия, что проявляется в экономике недоверия, деформированной судебной практике и т.д. Это обстоятельство усиливается общецивилизационным трендом формирования проектно-сетевых общественных отношений – от деловой и научной активности до личной жизни¹⁰. Возникающая при этом сетевая рента порождает дополнительные моральные и правовые вызовы и напряжения между предполагающейся высокой степенью доверительности и взаимного интереса – с одной стороны, и искушением корыстного манипулирования и эксплуатации чужого человеческого капитала – с другой.

В этой связи ключевым становится вопрос о доверии, «наводящем мосты», которое может быть задано только надэтнической и надконфессиональной идентичностью, связанной с функционированием государства. Если государство эту функцию не выполняет, если федеральная и региональные «элиты» дееспособны только в реализации личных интересов, несравненно более важных для них по сравнению с государственными и общественными нуждами, то экономика оказывается неэффективной, граждане – экономически и политически беспомощными, политическая жизнь такого государства обесмысливается, и уже не только политологи, но и граждане могут задаваться вопросом: «А стоит ли спасать государство – неэффективное, коррумпированное, несправедливое и не уважающее национальные интересы большинства населения?»¹¹

Дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным). Сбалансированная компенсация предполагает формирование гражданской позиции и гражданской идентичности, что показывает, кстати, не только зарубежный опыт, но и движение гражданского протеста 2011 – 2012 гг. в России¹², участники которого сформулировали *de facto* запрос на формирование гражданской нации, на легитимную власть, способную реализовать справедливое отправление своих функций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Тульчинский Г.Л.* О природе свободы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 19 – 28.

² См.: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011.

³ См.: *Тульчинский Г.Л.* Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // Человек, культура, образование. 2011. № 2. С. 5 – 14.

⁴ См.: *Веселов Ю.В.* Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. – М.: Аспект-Пресс, 2011; *Инглхарт Р.,*

Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия; Рикер П. Путь признания. – М.: РОССПЭН, 2010.

⁵ См.: Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. Глава «История, этнос, культура. Российский и советский духовный опыт: феноменология и судьба». – СПб.: РХГИ, 1996. С. 247 – 276; Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. Глава «Лиминальное как национальное: содержание и судьба российско-советского духовного опыта». – СПб.: Алетейя, 2003.

⁶ См.: Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума. – Сыктывкар: КГПИ, 2006.

⁷ Подробнее см.: Тульчинский Г.Л. Культура как ресурс и барьер инновационного развития // Инновации. 2012. № 5 (163). С. 74 – 79.

⁸ См.: Модернизация России: территориальное измерение. – СПб.: Алетейя, 2012.

⁹ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия.

¹⁰ См.: Болтански Л., Кьяелло Э. Новый дух капитализма. – М.: НЛЮ, 2011; Тульчинский Г.Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // Философские науки. 2012. № 11. С. 76 – 88.

¹¹ Ковалев В.А. 2012 как 1984? Российские трансформации и политический кризис // Политическая наука. 2012. № 1. С. 49.

¹² См.: Тульчинский Г.Л. Общество созрело, или Перспективы легитимности власти в современной России // Философские науки. 2012. № 1. С. 23 – 30.

Аннотация

В статье рассматривается ценностно-нормативная модель социогенеза. Выделение ценностной оси (безопасность – справедливость – свобода) и оси институциональной (культура – право – государство) позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Специфика ценностного содержания российской культуры позволяет рассматривать его как ресурс и как барьер развития российского общества. При этом особое значение имеет артикуляция целей и путей, а также социальной базы этого развития.

Ключевые слова: безопасность, государство, культура, право, развитие, свобода, справедливость, ценности.

Summary

This report considers value-normative model of sociogenesis. The allocation of the value axis (safety – justice – freedom), and the institutional one (culture – right – state) allows you to capture the features of the cultural profile of the company, its deformation, accentuation of political ideologies. The specificity of value content of Russian culture allows us to consider it as a resource and as a barrier for the development of Russian society. The articulation of goals and ways, as well as the social base of this development are of particular importance.

Keywords: culture, development, freedom, justice, law, security, state, values.